

9. Strel'chuk E. N. *Formirovanie russkoj rechevoj kul'tury inostrannyh bakalavrov negumanitarnyh special'nostej v vuzah RF* [The formation of the Russian speech culture foreign bachelors of science-related faculties in the universities of the Russian Federation]. Moscow, RUDN publ., 2016, 42 p.

10. Shirjaev E. N. *Kul'tura rechi* [Culture of speech]. *Kul'tura russkoj rechi: jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik* [Culture of Russian speech: encyclopedic dictionary]. Ed. by L.Yu. Ivanov, A.P. Skovorodnikov, E.N. Shiryaev [et al.]. Moscow, Flinta publ.; Nauka publ., 2003, pp. 287–290.

11. Shtompka P. *Social'noe izmenenie kak travma* [Social change as trauma]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research], 2001, no. 1, pp. 6–16.

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Алефиренко Николай Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, Россия, г. Белгород, ул. Студенческая, 14, e-mail: n-alefirenko@rambler.ru.

Обосновывается понятие метафорического дискурса, представляющего собой многослойную модель осмысления коммуникативного события – кровеносную систему смыслопорождения. В результате двойного переосмысления смыслообразов дефиниция такого дискурса может быть представлена также с помощью метафоры. Метафорический дискурс – результат интерпретации коммуникативного события, создающей некое облако мысли или паутину смыслового содержания художественного текста, нити которой служат его смыслопроводящими артериями, проецирующими в читательском восприятии текста своеобразную радугу смысла.

Ключевые слова: когнитивная метафора, лингвокогнитивная мембрана, метафорический дискурс, дискурсивное сознание, инсайт, смысл, смыслообраз

METAPHORICAL DISCOURSE

Alefirenko Nikolai F., Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod State National Research University, 308007, Russia, Belgorod, 14 Studencheskaya st., e-mail: n-alefirenko@rambler.ru.

The notion of metaphorical discourse, which is a multi-layer model of comprehension of a communicative event – the blood system of meaning formation, is substantiated. As a result of a double reinterpretation of meanings, the definition of such discourse can also be represented with the help of a metaphor. The metaphorical discourse is the result of the interpretation of a communicative event that creates a cloud of thought or a web of the semantic content of an artistic text, the threads of which serve as its semantic-conducting arteries, projecting a peculiar rainbow of meaning in the reader's perception of the text.

Keywords: cognitive metaphor, lingvocognitive membrane, metaphorical discourse, discursive consciousness, insight, sense, meaning

Научная гипотеза. Когнитивная метафора располагается на рубеже языкового и неязыкового пространства. Причем на неязыковой стороне пограничья находится **метафора когнитивная**, а на языковой – **метафора словесная** (Иванов И. И. Проблемы художественного слова. – М.: Парус, 1990. 456 с.).

В греческом языке метафорой называлась тележка для перевозки грузов. На языке культуры метафора – это «тележка» для переноса смысла. В этом

её когнитивная сущность. На эту её ипостась обращал внимание М.К. Мамардашвили, когда писал, что метафора есть не только устройство нашего художественного воображения, а есть что-то происходящее в жизни. Для фиксации данного смыслового акцента ученый вводит термин «прожитая метафора» [9, с. 378]. Разумеется, метафора, как образ, и как другие психические феномены, ещё не сам речевой смысл. Когнитивная метафора лишь его потенциальный носитель.

Перевод когнитивной метафоры в словесную инициируется потребностью в оязыковлении посредством метафоризации ментально-психических структур. Метафоризация при этом образует невидимый мостик, соединяющий вербальные образы с невербальными. Их конвергенция создаёт ту сложную амальгаму, которая, собственно, и определяет лингвокогнитивную природу дискурса. Можно сказать, метафора выполняет роль креативного связующего звена между ментально-психическими процессами и речевыми построениями. Это та речемыслительная зона, где осуществляется важная дискурсивная деятельность по преобразованию продуктов невербально-знакового мышления в языковую семантику.

Данное суждение для его перехода из гипотезы в теоретическое положение нуждается в ряде обоснований. Во-первых, возникает вопрос о том, где локализуется столь важное креативное звено в многосложной цепи речемыслительной деятельности человека; во-вторых, требуют разъяснения способы преобразования метафорического продукта невербально-знакового мышления в вербально-знаковое. В поисках ответа на столь непростые вопросы мы выходим из аксиомы лингвокогнитивистики, согласно которой все речемыслительные процессы осуществляются в коре головного мозга человека, выражающиеся в субъективном переживании объектов его внешнего и внутреннего мира, входящих в состав коммуникативно значимого события. Такие субъективные переживания, выражающиеся в самоотчетах об этих событиях, сопряжены со связанной с речью функцией мозга. Они образуют тот загадочный феномен, который называется *с о з н а н и е м*, благодаря которому человек наделён способностью осознавать себя и окружающий мир в прошлом и настоящем. Сознание формируется креативными механизмами идеального отражения реалий познаваемого мира, в результате которого возникает субъективный образ объективного мира. Столь уникальная способность реализуется благодаря семиозису – процессу не только порождения значения, но и *и н т е р п р е т а ц и* знака. Столь широкий диапазон действия семиозиса как речемыслительного процесса обязан специфическим механизмам и семиотическим формам дискурсивного построения субъективного образа объективного мира на этапах его довербального и языкового осмысления. Существование доязыкового и вербального семиозиса служит основанием для выделения в структуре сознания того эпицентра речемышления, который мы называем *дискурсивным сознанием* [2, с. 3]. Благодаря дискурсивному сознанию вербальный семиозис охватывает все сферы функционирования, развития и обновления языка. Об этом свидетельствуют исследования нашей научной школы. Основной вектор её научного поиска – когнитивная лингвокультурология – зафиксирован соответствующим сертификатом. Так, в исследованиях астраханской ветви научной школы лингвосемиозис, управляемый дискурсивным сознанием, прослеживается в разных структурных нишах лингвосистемы на этапе их неологической динамики (Л.Ю. Касьянова) и узаконенной узусом регулярной воспроизводимости единиц языка разных уровней: а) лексико-фразеологического (З.Р. Аглеева, Л.Г. Золотых, И.Н. Кайгородова, М.А. Голованева, О.В. Елисеева), б) морфологического (Т.Д. Бардина), в) словообразовательного (Г.В. Белякова). Закономерности речевой репрезентации продуктов лингвосемиозиса рассматриваются в трудах белгородской ветви: в прозаических речевых жанрах – Е.Г. Озерова, в поэтической ре-

чи – И.И. Чумак-Жунь, в паремиях – Н.Н. Семенов. Семантические аспекты лингвосемиозиса освещены в исследованиях волгоградской ветви: в диахронии – Е.Б. Никифоровой и Е.В. Брысиной, в синхронии – В.И. Супруном, К.И. Декатовой, Л.А. Шестак, С.В. Ракитиной, Г.В. Бобровской. Результаты их исследований в той или иной мере раскрывают особенности лингвосемиозиса, связанные с творческим экстраполированием довербальных смыслов в языковые значения единиц разных уровней. Предположения о существовании довербальных смыслов высказывали не только лингвисты, но и гениальные философы, стремившиеся разгадать тайну научного творчества (И. Кант, А. Эйнштейн, Ж. Адамар, М.М. Бахтин, М.К. Мамардашвили, Х. Ортега-и-Гассет и др.). Так, легенда математики Ж. Адамар утверждал: «Слова полностью отсутствуют в моем уме, когда я действительно думаю» [1, с. 49]. Современный когнитолог Стивен Пинкер назвал такой язык мысли мыслекодом. Отсюда научный соблазн осуществить, казалось, непостижимое: раскрыть вековую тайну научного творчества – механизм трансформации мыслекода в собственно языковой код. Задача эта, конечно же, определяет многолетнюю перспективу не одному поколению ученых. Пока совместными усилиями нашей школы выявлено, что перевод невербального знания в языковое знание стимулируется доминантной задачей такого трансферта – поиском смысла и средств его объективации [3, с. 5]. Такой поиск опирается на имплицитно осуществляемые сложные операции по свёртыванию и развёртыванию исходного замысла [12], по перекодированию смыслов индивидуального мыслекода в лингвосемантические фантомы – изначально призрачные словообразы конкретного языка. Словообразы, если опираться на суждения классиков, рождаются из личностного переживания (М.К. Мамардашвили) коммуникативно значимого события, из зрительных образов и даже мышечных ощущений (А. Эйнштейн), из так называемого интонирующего мышления (М.М. Бахтин), из живой страсти понимания (Х. Ортега-и-Гассет), из состояния преисполненной чувства души (И. Кант). Из подобного комплекса переживаний и порождается образ коммуникативного события – дискурс или, точнее, дискурсивное сознание, тот речемыслительный котел, в котором выплавляется текст. В итоге словообразы-фантомы, пройдя стадию внутреннего слова, воплощаются в билатеральные языковые знаки – первооснову языкового сознания. Сам же механизм вербализации смысла, находясь на грани вербального и авербального, опирается на деятельностный принцип дискурсивного сознания с его авербальными и вербальными составляющими. Авербальные действия связаны с памятью, опытом, переживаниями и другими смыслопорождающими факторами неязыкового характера (этнокультурной и языковой личностью, коммуникативным событием, ранее накопленными знаниями в самых разных форматах: предметно-чувственных образах, гештальтах, концептах и фреймах). Приводным ремнем в данном механизме служит замысел и авторские интенции. Составляющими лингвосемиозиса, преобразующего мыслекод в язык слов, выступают процессы метафорической номинации, поиск внутренней формы вторичного номинанта, семантизация, коннотация и т.п. Такого рода деятельностное сознание, отвечающее за речемышление на грани вербального и авербального, как раз и составляет суть дискурсивного сознания. Оно ответственно за все основные текстопорождающие процессы, формирующиеся на лингвистическом и экстралингвистическом порубежье: а) за поиск смысла и за его вербализацию; б) за развёртывание смысла в образы, в том числе в вербальные иконические знаки; в) за поиск соответствия предметно-чувственных образов образам метафорическим; г) за дискурсивную деятельность субъектов художественной коммуникации (автора и читателя), языковые сознания которых непосредственно участвуют в порождении и восприятии (понимании) смысла вообще и личностного смысла в частности.

Попытаемся приоткрыть завесу над тайной каждого из трёх названных процессов.

1. Почему первой задачей дискурсии является *поиск смысла*?

Ответ на этот вопрос следует искать в психологии, для которой смысл является базовой категорией. По авторитетному суждению Л.С. Выготского, в целом сознание имеет смысловое строение [5, с. 145]. Для понимания роли смысла в структуре дискурсивного (речемыслительного) сознания следует обратиться к основному труду Л.С. Выготского «Мышление и речь». Если в начале книги было заявлено, что единицей анализа речевого мышления является значение, то к концу книги, он пришел к мысли, что такой единицей является смысл. Наряду с чувственной тканью сознания и значением А.Н. Леонтьев считал смысл одним из базовых компонентов человеческого сознания [8, с. 153] и важнейшей категорией антропоцентрической парадигмы гуманитарных дисциплин. По мнению В.П. Зинченко, смысл доминирует над всеми остальными психическими явлениями: «двигательными, перцептивными, мнемическими, умственными и др.» [6, с. 124]. Чувственная ткань сознания образует конкретно-предметные образы, актуально воспринимаемые или всплывающие в памяти в процессе лингвогенезиса. Такие образы, различаясь по своей модальности, чувственному тону, степени ясности, большей или меньшей устойчивостью, порождают **когнитивные метафоры**, которые в дискурсивной деятельности приобретают новое качество – свою означенность и значения. Следовательно, вербализованные образы, смыслы и значения являются важнейшими компонентами языкового сознания.

2. Поль Риккёр интерпретировал метафору как поток образов, порожденных смыслом, в результате которого смысл ищет своей адекватной словесно-образной репрезентации в наиболее наглядном типе знака – иконическом. Прагматизм такого поиска обуславливается потребностью в «контроле над образом со стороны смысла, а также использовании «живописной» потенции языка» [6]. Такой контроль, обеспечивающий реализацию экспрессивно-оценочной функции языка, и осуществляют метафоры как иконические знаки. П. Риккёр, используя слова Л. Витгенштейна, фокусирует внимание на компаративной природе метафоры, дающей возможность «видеть как»: *толковать один объект через сопоставление его с другим*. Особенно обостренно ощущали метафору художники слова. Так, О.Э. Мандельштам писал: «Земля гудит метафорой» [О. Мандельштам, 2003: 255]. Ибо для нашего сознания только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» [О. Мандельштам, 2003: 212]. Конечно, метафора больше, чем сравнение, она имеет более глубокую и богатую внутреннюю форму.

В результате совмещения двух образов раскрывается смысл метафоропорождающего концепта. «Видеть как» – это способность удерживать в сопряжении смысл и образ. Поль Риккёр приписывает такому совмещённому видению двух картин «роль схемы, объединяющей пустой концепт и слепое впечатление» [11, с. 435]. Совмещённое видение двух картин, или «видеть как» характеризуется смешанным восприятием действительности, являющимся, по определению ученого, *полумыслью и получувством*. Однако такого рода ментально-психический гибрид, тем не менее, *способен соединять ясность мысли с полнотой образа* [11, с. 452]. В дискурсивном сознании возникают некие смыслообразы (осмысленные образы).

3. Понимание соответствий между смыслообразами и метафорическими смыслами слов их обозначающих помогают найти или оживить дискурсопорождающие концепты. Такие концепты, являющиеся, по словам В.П. Зинченко, своего рода «интеллектуальной материей» [2005], доступны дискурсивному сознанию через живую метафору. Цитируемое нами оксюморонное выражение «интеллектуальная материя» указывает на способ сложно постижимых объектов познания. Об этом даёт понять и сам В.П. Зинченко, сочувственно ссылаясь на О.Э. Мандельштама: «для нашего сознания ... только через ме-

тафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» [О.Э. Мандельштам, 2003: 161].

4. Наряду с биологическим, жизненным, есть ещё и личностный смысл (А.Н. Леонтьев). Поскольку дискурсивная деятельность субъектов художественной коммуникации (автора и читателя) «управляется» их сознанием (языковым, речевым, дискурсивным), дискурс-анализ стремится выявить, как соотносятся в тексте общезыковые значения и личностные смыслы. Последние в художественном дискурсе существуют в явной и скрытой формах. Наряду с эксплицитными (явными) смыслами, особую проблему дискурсивной лингвопоэтики образует выявление и интерпретация реципиентами (читателями и слушателями) скрытых метафорических смыслов личностного, надличностного или сверхличностного характера, о которых писал К. Юнг. Рассуждая о влиянии на формирование языковой (дискурсивной) личности автора скрытых смыслов его концептосферы, Б.Л. Пастернак, создавший художественную версию философии, называл «метафоричностью» неожиданные сочетания, уподобление разнородного. «Метафоризм, – писал поэт, – естественное следствие недолговечности человека и надолго задуманной огромности его задач. При этом несоответствии он вынужден смотреть на вещи по-орлиному зорко и объясняться мгновенными и сразу понятными озарениями». Это и есть поэзия – метафоризм – стенография большой личности, скоропись ее духа» [10, с. 795].

«Скоропись духа личности» не противоречит совершенству поэтического речемышления. Она – продукт озарения – явления глубоко интеллектуального, суть которого в неожиданном понимании сути возникнувшей проблемы и нахождении способа её решения. Озарение – это догадка, инсайт – принципиально новое видение чего-то, внезапное, мгновенно возникающее и невыводимое из прошлого опыта новое понимание, постижение существенных отношений, задач. Это высшая форма ясности сознания, обеспечивающая ему способность к мышлению и раскрытию интуиции. Это состояние ума, души и тела, когда рождаются невозможное, для интеллекта, логики и памяти. Озарение – это миг рождения и понимания истины. О феномене озарения знают все, кто занят творчеством. Это жемчужина сознания, бесценный дар, когда открывается канал связи между человеком и миром (Вселенной), когда в мозг человека поступает мощный объём энергии, которую человек может воспринимать, как очень яркий свет или, если он более подготовлен к приёму этой энергии, он может расшифровать её в виде определённых образов, в их космическом или в словесном выражении. Рожденные таким способом образы призваны преодолеть инертность устоявшихся и уже практически ничем не мотивированных понятий. Стимулом к такого рода генезису смысла служит необходимость в познании нового даже в тех объектах, которые уже нашли отражение в «земных понятиях». Это позволяет преодолеть земное притяжение мёртвых понятий, выйти на орбиту нового знания через некие, по определению В.П. Зинченко, смысло-образы, воплощенные в живых метафорах. Именно живые метафоры снимают с мёртвых понятий иллюзию понятности, показывают ущербность и даже банальность устоявшихся, привычных дефиниций, вызывают желание проникнуть в тайну внутреннего смысла, превратить её в предметно-чувственное восприятие [6, с. 100], ибо, как полагал ученый, «одна живая метафора много полезнее десятка мертвых понятий» [7, с. 223]. Глубокие философско-психологические суждения В.П. Зинченко, разумеется, для их лингвистического применения требуют лингвистического репарирования.

Современная лингвокогнитивистика позволяет приоткрыть завесу, скрывающую суть определений «мертвые и живые» понятия. Прежде всего, отметим, что такие определения сродни столь же аморфным феноменам психологии, как *живое знание* или *живое внимание*. В лингвистике такими же сложно определяемыми являются *живая метафора* и *живое слово*, которые, тем не менее, приняты наукой о языке, получили прописку и в дидактической

литературе. Объясняется это тем, что они открывают возможность проникновения в глубины того смыслового поля, в которых из привычных понятий, объективированных в языковых значениях, извлекаются новые элементарные смыслы, а из них выстраиваются креативные конфигурации уже существующего мыслекода в виде тех образов, которые обновляют внутренние формы слов и фразеологизмов. Такое обновление вызывается креативной энергией «трансцендентального привода» – источника лингвокогнитивной мембраны, находящейся на границе между сознанием, подпитываемым данными правого и левого полушарий и внешним миром. Будучи устройством с двусторонней проводимостью, лингвокогнитивная мембрана служит своего рода таможней, пропускающей фантомы знаний из внешнего мира в мир внутренний или отфильтровывающей их. Такая мембрана может быть проницаемой или закрытой зоной также и для внутренней энергии, рвущееся изнутри переживающего субъекта. Её открывшиеся шлюзы служат проводниками словотворческой энергии поэтов и писателей. Об этом размышляла А.А. Ахматова в цикле «Тайна ремесла». В понимании поэтессы, одухотворенное слово возникает из недр обыденной жизни, а задача поэта состоит лишь в том, чтобы вовремя ощутить его проникновение через лингвокогнитивную мембрану, схватить его звуковой образ и зафиксировать на бумаге.

*Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.
Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит задорен, нежен,
На радость вам и мне.*

Как уже отмечалось, решающую роль в этом играют переживания познающего субъекта. Как доказал в своем фундаментальном труде Ф.Е. Василюк, открытие сознания ранее скрытого смысла происходит благодаря деятельности переживания [4], которая, как утверждал Л.С. Выготский, она служит механизмом, образующим сознание. Для возникновения у человека языкового сознания к переживанию подключается еще один вид деятельности – деятельность понимания. Амальгама этих двух видов деятельности и является порождающим фактором языкового сознания. Если субъективные переживания – доминанта сознания вообще, то понимание – важнейший конструкт языкового сознания. Смысл – субъективное переживание рождает смысл. Понимание денотативной ситуации – когнитивное основание процесса осмысления языковых значений. Основополагающая роль деятельности понимания в формировании языкового сознания объясняется тем, что само понимание обеспечивается двумя противоположными процессами – означением смысла и осмыслением языковых значений. Такой двунаправленный процесс обеспечивает внешний диалог (общение двух коммуникантов) и внутренний диалог, осуществляемый отдельным человеком, так называемый процесс внутриличностной аутокоммуникации. Если первый тип диалога хотя бы в общих чертах известен каждому школьнику (он обеспечивает общение двух сознаний), то второй не всегда доступен даже лингвистам. Он служит формой диалогизма самосознания. Его приводным механизмом служит рефлексия, т.е. обращение внимания человека на своё собственное состояние и опыт. Внешний диалог базируется на кодировании и декодировании значений, а внутренний «работает» со смыслами. Суть речемыследеятельности состоит в активизации лингвокогнитивной мембраны для взаимодействия значения и смысла. При этом для отправителя сообщения внутренний диалог служит порождению речи, а для реципиента – средством осмысления значений воспринимаемых языковых знаков. Осмысленное значение

превращается реципиентом в смысл, а означивание смысла отправителем сообщения (смысла, возникшего в результате внутреннего диалога) переводит когнитивное переживание на уровень значения языкового знака.

Как видим, лингвокогнитивная мембрана – действующий механизм с двусторонней проводимостью, своего рода водораздел между внешним и внутренним миром человека. Правда, именно благодаря своей двусторонней проводимости граница между внутренним и внешним миром оказывается весьма условной. Это, скорее, место их встречи, место обмена энергиями. Конвергентные свойства лингвокогнитивной мембраны, пожалуй, лучше других чувствуют поэты. Великий Гете писал не без иронии:

*Мирозданье постигая,
Все познай не отбирая:
Что – внутри, во внешнем сыщешь;
Что – вовне, внутри отыщешь.
Так примите без оглядки
Мира внятны загадки.*

Если же перевести поэтическую мысль в лингвокогнитивное русло, то лингвокогнитивную мембрану можно представить проводником и регулятором интериоризации ("вращивания" внешней предметной деятельности в деятельность внутреннюю) и экстериоризации, обеспечивающей выход внутренней (мыслекодовой) деятельности в деятельность внешнюю (словотворческую). Для понимания синергии интериоризации и экстериоризации достаточно эффективной может стать попытка их лингвокогнитивного осмысления. На наш взгляд, основным фильтром интериоризации предметных смыслов и экстериоризации смыслов вербализованных служит основная единица лингвокогнитивистики – концепт. Интериоризация предметных смыслов порождает некие смыслобразы, а экстериоризация оязыковленных смыслообразов – метафоры. Это, по сути, две глобальные категории текстопорождающего дискурса. О.Э. Мандельштам писал: «Земля гудит метафорой». Любое этноязыковое сознание познает окружающий мир только через метафору, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» [2003: 161]. Конечно, метафора больше, чем сравнение, она имеет более глубокую и богатую внутреннюю форму. Видимо, поэтому Поль Риккёр располагал метафору на границе между психикой и языковой семантикой, утверждая, что по этой линии осуществляется связь логического с чувственным, т.е. вербального с невербальным. Он рассматривал метафору как поток образов, порожденных смыслом, как развертывание смысла в образы. На этом суждении со ссылкой на Л. Витгенштейна, Риккёр объясняет метафорическую функцию преломления познаваемого мира с помощью конструкции «видеть как». «Видеть как» – это интуитивное отношение, удерживающее вместе смысл и образ, это такая интерпретация действительности, когда образ видится как смысл. Ср.: 1. **Осень жизни, как и осень года, надо благодарно принимать** (Э. Рязанов). 2. **Нам дорога твоя отвага, огнём душа твоя полна** (М.Ю. Лермонтов). 3. **Тоска необъятная жрала его, и безымянный червь точил его сердце** (Н.В. Гоголь). Такая когнитивная метафора, будучи полумыслью и получувством, пытается соединить ясность мысли с полнотой образа и тем самым заложить в порождаемом тексте эксплицитное речевое содержание, а в подтекст – имплицитные (невербализованные) смыслы порождающего метафорического дискурса.

Следовательно, метафорический дискурс представляет собой многослойную модель осмысления коммуникативного события. Его многослойность можно представить также с помощью метафор. Это метафоры паутины (М. Вебер), кровеносной системы смысла (Г.Г. Шпет), радуги смысла (А. Белый), облака мысли / смысла (Л.С. Выготский / Г.П. Щедровицкий). В результате двойного переосмысления смыслообразов дефиниция метафорического

дискурса приобретает весьма содержательный вид. Метафорический дискурс – результат интерпретации коммуникативного события, создающей некое облако мысли или паутину смыслового содержания художественного текста, нити которой служат его смыслопроводящими артериями, проецирующими в читательском восприятии текста своеобразную радугу смысла.

Итак, основным стимулом к таким метаморфозам является потребность в оформлении смыслообраза. Механизмом, реализующим эту потребность, служит когнитивная метафора, которая выполняет две функции: (а) оформляет концепт и (б) в момент озарения вокруг данного концепта программирует структуру будущего нарратива. Результатом столь многоступенчатых преобразований является когнитивное основание для текстопорождения – метафорический дискурс.

Список литературы

1. Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики : пер. с франц. / Ж. Адамар. – М. : Советское радио, 1970. – 152 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Дискурсивное сознание: синергетика языка, познания и культуры / Н. Ф. Алефиренко // Языковое бытие человека и этноса. Когнитивный и психолингвистический аспекты : мат-лы Междунар. школы-семинара (V Березинские чтения). – М. : ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009. – Вып. 15. – С. 3–11.
3. Алефиренко Н. Ф. Смысл как лингвофилософский феномен / Н. Ф. Алефиренко // Вестник Томского государственного ун-та. – 2013. – № 1 (21). – С. 5–14. – (Филология).
4. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) / Ф. Е. Василюк. – М. : Московский ун-т, 1984. – 200 с.
5. Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 3. – 368 с.
6. Зинченко В. П. Живые метафоры смысла / В. П. Зинченко // Вопросы психологии. – 2005. – № 5. – С. 100–113.
7. Зинченко В. П. Посох Осипа Мандельштама и Трубка Мамардашвили: К началам органической психологии / В. П. Зинченко. – М. : Новая школа, 1997. – 335 с.
8. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – 2-е изд. – М. : Политиздат, 1977. – 304 с.
9. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути / М. К. Мамардашвили // М. Пруст «В поисках утраченного времени». – СПб. : Нева, 1997.
10. Пастернак Б. Л. Избранные сочинения / Б. Л. Пастернак ; сост. и комм. Е. В. Пастернак. – М. : РИПОЛ КЛАССИК, 1998.
11. Рикер П. Живая метафора / П. Рикер // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990.
12. Скокова Т. Н. Релятивность как смыслообразующая категория лингвокогнитивистики / Т. Н. Скокова. – Белгород : Белгород, 2014. – 303 с.
13. Bechtel W. Connectionism and the Mind / W. Bechtel, A. Abrahamsen. – Cambridge, Mass: Blackwell, 1991. – 349 p.

References

1. Adamar Zh. *Issledovanie psihologii processa izobretenija v oblasti matematiki* [A study of the psychology process of the invention in the field of mathematics]. Moscow, Sovetskoe radio publ., 1970, 152 p.
2. Alefirenko N. F. *Diskursivnoe soznanie: sinergetika jazyka, poznanija i kul'tury* [Discursive consciousness: synergetics of language, cognition and culture]. *Jazykovoje bytie cheloveka i jetnosa. Kognitivnyj i psiholingvisticheskiy aspektj* [Linguistic human existence and ethnicity. Cognitive and psycholinguistic aspects]. Moscow, INION RAN, MGLU publ., 2009. Issue. 15, pp. 3–11.

3. Alefirenko N. F. *Smysl kak lingvofilosofskij fenomen* [Sense as linguo-philosophical phenomenon]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2013, no. 1 (21), pp. 5–14, (*Filologija* [Philology]).
4. Vasiljuk F. E. *Psihologija perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situacij)* [Psychology experiences (analysis of overcoming critical situations)]. Moscow, Moskovskij un-t publ., 1984, 200 p.
5. Vygotskij L. S. *Sobranie sochinenij: in 6 vol.* [Works: in 6 vol.]. Moscow, Pedagogika publ., 1983, vol. 3, 368 p.
6. Zinchenko V. P. *Zhivye metafory smysla* [Live metaphors of sense]. *Voprosy psihologii* [Questions of psychology], 2005, no. 5, pp. 100–113.
7. Zinchenko V. P. *Posoh Osipa Mandel'shtama i Trubka Mamardashvili: K nachalam organicheskoj psihologii* [Staff Osip Mandelstam and Tube Mamar-dashvili: To the beginnings of organic psychology]. Moscow, Novaja shkola publ., 1997, 335 p.
8. Leont'ev A. N. *Dejatelnost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. 2nd ed. Moscow, Politizdat publ., 1977, 304 p.
9. Mamardashvili M. K. *Psihologicheskaja topologija puti* [Psychological topology of the path]. *M. Prust «V poiskah utrachennogo vremeni»* [M. Proust "In search of lost time"]. St. Petersburg, Neva publ., 1997.
10. Pasternak B. L. *Izbrannye sochinenija* [Selected works]. Moscow, RIPOL KLASSIK publ., 1998.
11. Riker P. *Zhivaja metafora* [Vivid metaphor]. *Teorija metafory* [Metaphor theory]. Moscow, Progress publ., 1990.
12. Skokova T. N. *Reljativnost' kak smysloobrazujushhaja kategorija lingvokognitivistiki* [Relativity as the semantic category of cognitive]. Belgorod, Belgorod publ., 2014, 303 p.
13. Bechtel W. *Connectionism and the Mind*. Cambridge, Mass: Blackwell publ., 1991, 349 p.

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ И ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Горячева Елена Дмитриевна, старший преподаватель, Южный федеральный университет, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42.

Предметом настоящей статьи являются корреляции прецедентного имени и прецедентного высказывания, значимые в семантическом пространстве художественного текста. Целью исследования состоит в обнаружении закономерностей, обуславливающих когнитивно-семантическое взаимодействие прецедентного имени и высказывания. Методология определена объектом и предметом: используются метод сплошной выборки, описательный и сравнительно-сопоставительный методы, метод филологического анализа текста, метод количественного сопоставления, контекстуальный и интертекстуальный методы. Результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания курсов по теории языка, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, по проблематике когнитивной лингвистики и фразеологии. Для нашей исследовательской концепции принципиально важно релевантное для прецедентного имени взаимодействие с прецедентным высказыванием, чему может способствовать ряд факторов.

Ключевые слова: лингвокультура, прецедентное имя, прецедентное высказывание, художественный текст